

не дай Бог, не отреставрировали бы, скажем, фасад по своему вкусу.

Критические стрелы летят нынче в Большой, будто желая добить и без того израненного «Слово». Он превращен в мишень, и сами его размеры позволяют попадать и неумело целясь. Да, это «Слово» из зоопарка, не привычный и свободен, к существованию в джунглях (помните, там именовался у нас капитализм, то бишь рыночные отношения), и исыть самостоятельно себе прокорм и привык. Но брошенный своими надсмотрщиками, оголодав, он оказался вынужденным сам искать себе пищу, чтобы не погибнуть. Большой не хочет умирать. И его руководство, дирекция ищут способы выживания в новых условиях. Ошибки тут возможны, их даже не может не быть. Но «Слово» уже еле на ногах держится, и не надо его дополнительно травить, загонять в яму.

Генеральный директор Большого театра Владимир Коконин встал уже нахлебавшись и от ревнителей традиций Большого, и от тех, кто желает его сокрушить как ставленника системы. Да и вниманием прессы, не всегда и тому же квалифицированным, Коконин, как мне показалось, тоже умучен. Поэтому не буду пересказывать в подробности наш с ним разговор. Суть его: колы государственные структуры не в силах больше театр поддерживать, так пусть хотя бы не грабят, не отчисляют в казенную — и бездонную, как опыт показал, — кассу то, что Большой сам зарабатывает и что ему только и должно принадлежать. Пусть хотя бы дадут залатать дыры — в прямом смысле. Знаменитый золототканый занавес Большого театра совсем изно-



сился, не замечали? Да и в кабинете у генерального директора обивка на мебели посеклась. Среди «остатков былой роскоши» Коконин с командой придумывают, как из нищеты выкрутиться, и если помочь не можете, так хотя бы не мешайте. Но помните, что нигде в мире театры, подобные Большому, без дотаций, государственной поддержки не обходятся. Если мы умеем выжить, сохранить как цивилизованная страна, Большому необходимо будет помогать — и щедро.

Но материальная сторона хотя и существенна, тем не менее не все в жизни решает. Тем более в жизни творческой. Вот и зарубежные гастроли выгодны, конечно, но рвется туда наши артисты еще и потому, что там они получают то, без чего их труд лишается смысла.

миссером, а заведующим галерии. Оттуда с верситуры, началась его страстная и Большому любовь. Галерея знала, слышала все. Именно там собирались знатоки — студентами, служивая интеллигенция. И в семье Покровских, небогатой, покупали абонемент, а кто на спектакль пойдеть, решал жребий. Дешевый билет не стыдился, зато вот если бы кто захлопал неполод, его бы зашили: позор! В этом тоже было отличие Большого — в сочетании демократичности с элитарностью.

Все прошлые годы Большого воспитывал в зрительях уважительное к себе отношение. Точность начала его спектаклей славилась, и в поговорку вошло: можно и опоздать, ведь не в Большой идем... И даже в войну, когда спектакль прерывался сообщением о бомбежке, с адресом ближайшего укрытия, — в валянках, скажем, никого не лускали. И это не только не встречало сопротивления, а воспринималось с благодарностью: люди сознавали, что если ты не способен праздника оценить, значит, ты его не достоин.

А вот когда недавно Коконин посмел на телевидении высказаться, что-де в Большой надо нарядными приходить, при всем, так сказать, параде, ведущие передачу обсмеяли генерального директора, выставили его как зеленого фавста, оторвавшегося в своих завышенных идеях от нашей действительности. Нетрудно угадать, что к числу заведующих Большого эти ведущие не принадлежали. А, Впрочем, есть ли они сейчас?

О ДНА ИЗ БЕД Большого — утрата им своего постоянного зрителя, без чего любой театр вымерзает, превращается в музейный экспонат, в «достопримечательность». С набегу осматриваемую туристами. Большой сделался недоступен, и к мысли этой поколения уже привыкли — и забыли о Большом. Все равно не попасть. Большого как бы нет. Исчезнет, и не заметят.

«Но мы тоже хиткими льготами, бронями не пользовались, стояли, бывало, в очереди в кассы и ночи напролет, и в дождь, и в стужу, — говорят бывшие заведующие Большого, которых на сегодняшний день — горстка. — А теперь в очереди стоят за французской косметикой. А в Большой не ходят, потому что не хотят».

И то правда. Разучились, отучили хотеть. И тут система, режим выказали свою порочность, псевдодемократичность, псевдоравенство, личную заботу о гражданах своих, на деле обманутых, обманутих. Билеты в Большой распределялись так же, как и другой дефицит, тем, кому в ад. О также в случаях, когда требовалось пустить пыль в глаза. А еще, чтобы наживаться, спекулировать. Большой оказался среди тех национальных богатств, что, как мы наконец обнаружили, было растащено по нормам. Большой потребляли, им лакомилась лишь избранная, и большинству, раздраженному, уязвленному, одно оставалось — презирать. Большинство от Большого театра отвернулось. И это было для него — приговор.

Теперь, чтобы подняться, Большому, помимо всего прочего, нужно еще и вернуть своего зрителя, слушателя. А нынешний зритель, слушатель в Большой уже не хочет. Даже ставшие доступными билеты туда ему уже не нужны. (Конечно, на всех спектаклях ряды заполнены, но там сидят в основном экскурсанты). А не-



И. С. Козловский.



Б. Д. Кравцов.



С. Я. Лемешов.



М. Т. Селимова.

Тот же Коконин рассказывал в гастрольях Большого в Японии, давших и прошедших вот-вот. Убийственный для нас контраст: японцы, люди иной культуры, много воспитания, отличного от Европы, России, сумели в поразительно неровный срок овладеть русской музыкальной классикой, сделавшись ее знатоками. Поначалу воспринимали нашу оперу ну разве что как экзотику. А когда еще раз Большой приехал, публика в залах сидела с партитурами! А что с нами, с нашими гражданами произошло, да что мы обернули то же самое время!

Одна моя знакомая, из тех, кто считает, что премье и морозы были ирреальны, и лето жарче. И, надо признать, позицию свою отстаивает вполне аргументированно, после последнего своего посещения Большого оказалась просто словесной. Шла «Олего», и вот в сцене, где он впервые на сцене с Ленским появляется, в зале — ни одного хлопика. А испокон веку первое появление героя, то бы его ни исполнял, непременно отмечалось аплодисментами. Тут же — мертвая тишина. Для моей знакомой это было — конец, отделение, жаростресс, утрата близких бы то ни было ориентиров. Сама она принадлежала и помешалась, на которое, как на пример, могли равняться японцы. Но на мы. У нас это поколение исчезает, не оставив преемников.

Борис Александрович Покровский знает Большой с 1925 года, когда он был еще не ре-

давно дирекция театра сказала шокирована: в продажу пустили билеты стоимостью в один рубль, не в партер, разумеется, на галерею, но ведь именно туда прежде шел главный зритель, знающий, понимающий, молодой. И — мимо. Никто рублевых билетов не купил. Эту, самую важную часть публики, значит, упустил, потерял в процессе грандиозного переустройства общества. Зато в буфете Большого театра засели горделивые молодые люди, не желающие его покидать и при начале спектакля. На просьбы служителей пройти в зал молодые люди отвечали, что затем в Большой и пришли, чтобы шапманского вдосталь попить. Билеты предьявить? Пожалуйста, хоть папку!

Администрация Большого с таким явлением не под силу бороться. И не может она давать советы, как одеваться зрителям, чтобы празднично себя настроили. И в зызывали не должна превращаться, Большой театр в балаган. Большой — это мы, живущие в нашей стране сегодня. И только когда мы поумнеем, станем цивилизованнее, культурнее, изменится и Большой театр.